

Г. Е. КОРНИЛОВ (Чебоксары)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ АЛТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

После того, как З. Гомбоц выявил основные пласты алтайских заимствований в венгерском языке и опубликовал подробное исследование¹, вопрос о древних контактах венгров и предков современных чувашей — болгар приобрел столь значительную фактическую базу, что, казалось, его решение уже окончательно определено и остается лишь уточнить частности. Тем не менее попытки принципиально новых интерпретаций указанного материала имеют место вплоть до последнего десятилетия, о чем, в частности, свидетельствуют и рассматриваемые нами некоторые полсжения статьи Н. Поппе.²

В частности, взят под сомнение главный критерий выделения болгаро-чувашизмов из числа других тюркских заимствований в венгерском языке — наличие согласных *-r-*, *-r*, *-l-*, *-l*, соответствующих общетюркским *-z-*, *-z*, *-š-*, *-š* (их аллофонам и иным конкретным реализациям).³ Признавая, что в отношении указанных противопоставлений чувашский язык идентичен с волжско-болгарским (ср. чув. *təχǣr* — болгар. *toχur* — древнетюрк. *toquz* 'девять'; чув. *pil(ə)k* — болгар. *biäl* — древнетюрк. *beš* 'пять'), Н. Поппе отмечает, что, когда З. Гомбоц сделал это интересное наблюдение, еще не было известно, что *r* и *l* в таких словах были первичными, а тюркские *z* и *š* — вторичными звуками, развившимися соответственно из **r* и **l*. Следовательно, заключает Поппе, нельзя предполагать, что формы с *r* и *l* (соответственно вместо тюркских *z* и *š*) должны обязательно быть волжско-болгарскими по происхождению. Н. Поппе связывает это с тем фактом, что некоторые из рассматриваемых алтайских заимствований с признаками ротацизма и ламбдаизма могли проникнуть в венгерский язык задолго до образования государ-

¹ Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache (= MSFOu XXX), Helsinki 1912.

² N. Poppe, On Some Altaic Loanwords in Hungarian. — American Studies in Uralic Linguistics (= Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, Vol. 1), Bloomington 1960, стр. 139—147.

³ Одновременно с Н. Поппе в отечественной науке болгарский язык как раннюю стадию развития казанско-татарского языка представил и, следовательно, «присвоил» всю историю чувашского языка почти до XVI в. Г. В. Юсупов. См. Г. В. Юсупов, Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, Москва—Ленинград 1960, стр. 66—100. С критикой данной монографии выступили В. Д. Димитриев и М. Р. Федотов (Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. XXIII, Чебоксары 1963, стр. 248—263).

ства волжских болгар, т. е. до VII в. н. э.⁴ Его выводы исключительно резонны, приводимые факты представляются достоверными, но тем не менее имеются обстоятельства, учет которых, видимо, должен продвинуть решение данной проблемы вперед.

Во-первых, нельзя отождествлять историю языка, государства и того или иного народа, в связи с чем не следует думать, что до VII в. — до политической консолидации и образования государства — не было ни болгар, ни их языка. Определение даты основания болгарскими государством со столицей в устье Камы для решения вопроса об источниках *r*-, *l*-тюркизмов в венгерском языке само по себе ничего не значит, так как до основания государства в Среднем Поволжье те же болгаро-чувашиские племена жили в условиях союза племен на Северном Кавказе и в Причерноморье, а еще раньше входили в состав западнохуннского союза племен. Видимо, невозможно ни одно фонетико-грамматическое явление тюркских *r*-, *l*-языков и -диалектов непосредственно увязать с территориальными перемещениями и изменениями форм политической организации. Что же касается этнонимов *onoγur* в работе «Rhetor Priskos» (463 г. н. э.) и *oγor* (553 г. н. э.)⁵, отождествляемых с древнетюркским (VIII в. н. э.) *oγuz* 'огуз' и *on oγuz* 'десять огузов', то ничто не мешает рассматривать их как относящихся к разным тюркским языкам: в одно и то же время огузы могли называть себя *огузами*, а соседние болгаро-чувашиские племена могли называть их *огурами* (ср. чув. *vāgār*, *vākār* < **ogur* ~ **okur* 'бык'). Утверждать, что зафиксированный в 553 г. этноним *oγur* в VIII в. стал звучать *oγuz* можно лишь в случае, если в VI и VIII вв. это слово фиксировалось в рамках одной диалектной единицы. Без идентификации диалектов и их конкретной преемственности в прошлое и будущее невозможно сопоставление даже родственных слов, взятых из разнородных источников, в противном случае легко составить список аллоформ отдельного слова, согласно которому переход *r* > *z* сменялся переходом *z* > *r* столько раз, сколько раз зафиксировано данное слово в диалектах.

Если вспомнить, что по общей схеме развития тюркских языков⁶ начало выделения тюркских *r*-, *l*-язычных диалектов относится к алтайской эпохе, т. е. ко времени за несколько веков до нашей эры, что окончательное оформление и обособление последних завершилось в рамках западнохуннского союза племен в общехунскую эпоху до V в. н. э. и что в древнетюркскую эпоху (V—X вв.) уже шел активный процесс дифференциации тюркских *r*-, *l*- и тюркских *z*-, *š*-языков, то становится еще сомнительнее переход *oγur* > *oγuz* в VI—VIII вв. н. э. Этот переход можно отнести к VI в. и общепринятую хронологию развития тюркских языков подвергнуть существенному пересмотру только в случае, если удастся доказать, что данные формы имеют источником один и тот же диалект. Для эпохи болгаро-чувашиско-венгерских контактов можно считать не имеющим значения вопрос о направлении перехода *r*, *l* > *z*, *š* или *z*, *š* > *r*, *l*, так как последний имел место в гораздо более древнюю эпоху. Сказанное также значит, что среди так наз. алтайских заимствований в венгерском языке многие можно объяснить исключительно как восходящие к древнечувашиским (болгарским).

⁴ N. Porre, указ. раб., стр. 146.

⁵ Н. Поппе ссылается здесь на I. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig 1903, стр. 354; O. Pritsak, Kultur und Sprache der Hunnen. — Cyzevskij-Festschrift, Berlin 1954, стр. 243; O. Pritsak, Der Titel Attila. — Festschrift Max Vasmer, Berlin 1956, стр. 410.

⁶ Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, Москва 1969, прил. 2.

В этом плане представляется, что нет оснований рассматривать *j первичным, а *ś, t, d, tś, s и т. д. развившимися из *j, но даже если это и так, нет фактических данных для утверждения, что венг. *ír* 'писать', *gyúr* 'месить', *szél* 'ветер' по признаку оформления инициала восходят к трем разным языкам, как допускал З. Гомбоц⁷ и утверждает Н. Поппе⁸, не учитывая, например, что соответствие $s \sim s \sim t \sim tś \sim ś$ и т. д. может принадлежать говорам одного языка. Добрый десяток указанных соответствий можно подыскать в словаре Н. И. Ашмарина⁹, не вдаваясь в специальное исследование чувашских диалектов: (*ə*)*šta* ~ (*ə*)*šta* ~ (*ə*)*sta* 'где' (IX, 36; IV, 74), *kuśśulə* ~ *kuś tśulə* 'слезы' (VII, 33, 34) и т. д. Таким образом, незачем реконструировать никогда, видимо, не существовавшие тюркские *r*-, *l*-языки, если необходимый материал можно почерпнуть из исторически зафиксированных или ныне существующих. В дополнение следует заметить, что и с теоретических позиций нет основания всегда и обязательно предполагать разные источники заимствований на основе различного фонетического оформления той или иной группы слов, иначе функционирующие, например, в чувашском языке русские по происхождению слова *štappan*, *əštappan*, *stappan*; *stena*, *štena*, *stana*, *əstana*, *šatena* и т. д. пришлось бы тоже считать восходящими к различным, причем весьма многочисленным «мифическим» русским языкам. В частности, нет никаких доказательств, что современное венг. *ír* 'писать' в момент заимствования звучало в венгерском языке точно так же и инициальный согласный, будь то *ś*-, *j*-или еще какой-нибудь, не утратился в процессе многовекового освоения этого глагольного корня венгерским языком, тем более, что первоначально разные группы булгаризмов могли проникать не только из разных булгарских говоров и диалектов, но и через разные венгерские говоры и диалекты. Поэтому удовлетворяющими строгим требованиям анализа следует признать только комплексные сопоставления всех диалектных и иных вариантов того или иного слова как со стороны языка-источника, так и со стороны заимствующего языка, никоим образом не довольствуясь сопоставлением двух слов, взятых из соответствующих литературных стандартов. Следовательно, нельзя утверждать, что во времена заимствований *d еще не перешел в *r*, так как в венгерском языке имеются слова, до сих пор сохраняющие древний *d*, например, *idő* 'время' < *odeg (ср. монг. *edüge* < *ödüge 'теперь'). Подобным образом можно доказать, что указанный переход не завершился, так как даже в современном чувашском языке есть слова с *d* параллельно словам с *r*: *kurəkra* 'в траве', но *vərmanda* 'в лесу'. Наличие в венгерском языке отдельных слов с интервокальным *-d-* еще не делает очевидным, что соответствующие слова заимствованы из особого языка или что к моменту контактирования *d еще не перешел в *r*. Доказать ту или иную мысль в данном случае можно, только имея письменные свидетельства или какие-либо иные экстралингвистические факты.

Несколько иные соображения можно высказать по поводу инициального *p*-, который для алтайской эпохи не может быть восстановлен иначе, чем в виде абруптива **p* или придыхательного **p^h*, в противном

⁷ Z. Gombocz, указ. раб., стр. 208.

⁸ N. Poppe, указ. раб., стр. 140—141.

⁹ Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка I—XVII, Казань—Чебоксары 1928—1950.

случае определенно сопоставимые чув. *polâ, pulâ*, общетюрк. *balyk*, прибалт.-фин. *kala*, венг. *hal* с инициальным *h*; тунгусо-маньчжурские: эвенск. *olra, olro, oldo, ol'ci*; эвенкийск. *ollo, oldo, oldro, olo, olro, çolto, oloço* 'рыба'¹⁰ придется считать разными по происхождению, хотя соответствия *p-~k-* в масштабе урало-алтайских языков факт вполне реальный, ср. фин. *olkapää*, мар. *pulyš*, венг. *váll*, чув. *çul* 'плечо'; верхняя часть руки до локтя', тюрк. *kul* 'рука'. Есть все основания допустить, что некоторая часть сопоставимых венгерских и тюркских корней не является результатом заимствования в ту или иную сторону, а представляет собой общее наследие некогда более тесной и в то же время более широкой общности урало-алтайских или даже ностратических языков. И если венг. *ökör* 'бык' — все же тюркское *r*-язычное заимствование, то венг. *hurok* 'веревка, канат, рогатка, сеть', не имея тюркских соответствий, обнаруживающих результат перехода *z > r* (или наоборот), наверняка является наследием урало-алтайского праязыка или более широкой языковой общности. Во всяком случае семантика данного термина свидетельствует о наиболее древних формах хозяйства, связанных с собирательством и отловом диких животных и птиц.

Таким образом, упомянутые венгерские слова не обязательно являются заимствованиями из разных языков, а некоторые вообще могут не считаться заимствованиями. Точно так же и форма *nyár* 'лето', не имеющая финно-угорской этимологии, на наш взгляд, не обязательно является заимствованием из ненец. *nara* 'ранняя весна, конец зимы' или дотюркского, ср. маньчжур. *nārçun* 'молодая трава или листва', монг. *nirai* 'свежий, новорожденный' при древнетюрк. *jaz*, якут. *sās*, чув. *šur, šor* 'весна', а может также быть заимствованным из ныне утраченного булгаро-чувацкого диалекта или говора, поскольку соответствие *j-, -j-* зогласному *ń-, -ń-* сохранилось в отдельных чувашских говорах до сих пор, ср. чув. *ňürek ~ jürek* 'вьюрок; особая шпулька' (IX, 48), *näkär-näkär ~ jäkär-jäkär* (IX, 48), *ňeple ~ jeple ~ leple* 'как, каким образом' (IX, 19); *äj ~ añ ~ an* 'низ, под' (IX, 305; X, 12)¹¹, низовое *ənepe* ~ верховое *əneje*, дательно-винительный падеж от *əne* 'корова' и т. д. И тем не менее, с учетом того, что палатальный анлаутный согласный *ń-* характерен для самого венгерского языка, в том числе в инлауте, ауслауте и т. д., будет справедливым не исключать *nyár* 'лето' из фонда древнейшей природной лексики угорских языков, унаследованной ими от времени финно-угорской, урало-алтайской или даже ностратичной общности языков¹², независимо от несомненно имевших место конкретных контактов между позже обособившимися этно-лингвистическими единицами.

В дополнение к сказанному необходимо отметить обстоятельство, имеющее, на наш взгляд, решающее значение при определении того, какой же из тюркских *r-, l-* языков контактировал с древневенгерским, — наличие в чувашском языке слов, в частности антропонимов, обязанных своим происхождением венгерскому языку. К их числу, например, мы относим чув. *Ađak, Ačak, Ašak*, ср. венг. *ađag* 'глина'; *Poja, Puja*, ср.

¹⁰ О ностратических связях данной основы см.: В. М. Иллич-Свитыч, Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский). — Этимология, 1965, Москва 1967, стр. 362.

¹¹ См. Н. И. Ашмарин, указ. раб.

¹² Ср., в частности, рус. *ярка* 'еще не ягнвившаяся овца', славянское название бога весны, тепла и любви *Ярило*, нем. *Jahr* 'год' и т. д., которые даже с позиций математической теории вероятности невозможно рассматривать в качестве случайных соответствий.

венг. *buja* 'похотливый, сладострастный'; *Algaš(i)*, *Alkaš(i)*, ср. венг. *alhas(i)* 'подчервный'.¹³

К сожалению, большая и трудоемкая работа по выявлению венгерских (угорских) элементов в болгаро-чувашских диалектах до сих пор никому из исследователей не представлялась достойной внимания, в связи с чем, как видно из вышензложенного, вопрос о древнем взаимодействии двух языков до сих пор подменяется вопросом о воздействии одного языка на другой, причем даже в этом одностороннем плане, как правило, не учитываются все данные языка — потомка языка-источника, что можно проиллюстрировать на примере одного термина, фигурирующего чуть ли не во всех многочисленных работах об алтайском наследии в лексике современных угорских языков: башк. *kösök*, казах. *küšik*, ног., к.-калп. *küšük*, чув. *kəšək*, *kəškə*, тур. *köšek*, азерб. *köšek*, туркм. *köšek*, для которых Рамстедт и Иллич-Свитыч реконструируют пратюркский архетип **k'ölek* 'верблюжонок', который в свою очередь выводится из алтайского архетипа **gölige* 'детеныш зверя'.¹⁴ По закону ламбдаизма сюда относятся как монг. *gölige* 'щенок', так и предполагаемое болгаро-чувашское заимствование в венгерском *kölyök* 'щенок; детеныш; котенок; мальчишка'.¹⁵ Поскольку чувашский относится к тюркским *r*-, *l*-языкам, упомянутые *kəšək*, *kəškə* есть все основания считать позднейшими заимствованиями из тюркских *z*-, *š*-языков, а для древнечувашского восстановить утраченный литературным языком архетип с интервокальным *-l-*. В частности, в словаре Ашмарина (VI, 279) приведено без ссылки на источник слово *kulak* в фольклорном отрывке, перевод которого представляет собой следующий диалог: «Куда ты идешь, кульак? — Иду стеречь большое стадо. — Что тебе дадут за то, что ты будешь стеречь большое стадо? — Дадут большую лошадь». Не исключено, что *kulak* здесь есть не что иное как обращение к щенку или к мальчику-малышу, поскольку именно пес или мальчишка-подпасок больше всего подходят к роли стерегущих-пасущих стадо животных. К тому же, видимо, специалист по исторической фонетике тюркских языков не смутит заднерядная огласовка *kulak* поскольку она компенсируется предельной палатальностью интервокального плавного *-l-*. Таким образом, нам, кажется, удалось обнаружить в чувашском языке редчайший архаизм, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой теме.

is correct at least in part. The present article is limited to California Penitentiaries.

It must be emphasized that it is possible to speak about the specific characteristics of these families only (and already) when they have been established. Any preliminary work is based

G. J. KORNILOV (Себоксары)

CONCERNING SOME SOURCES OF ALTAIC LOANWORDS IN HUNGARIAN

Referring to N. Poppe's work "On Some Altaic Loanwords in Hungarian" (— American Studies in Uralic Linguistics (= Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. I), Bloomington 1960, pp. 139—147), the author has to state the following. Contrary to N. Poppe, the author believes that different Altaic loanwords in Hungarian, with a different phonetic background, may not obligatorily be derived from a specific language, but from various dialects of one and the same language.

¹³ См. Г. Е. Корнилов, Несколько слов о болгаро-чувашских языческих антропонимах. — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. XXXIX, Чебоксары 1969, стр. 231—233.

¹⁴ См. G. J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Helsinki 1935; В. М. Иллич-Свитыч, Алтайские гуттуральные **k*, **k*, **g*. — Этимология 1964, Москва 1965, стр. 341.

¹⁵ Ср. Z. Gombocz, указ. раб., стр. 104.